

ТЕМНАЯ МАТЕРИЯ АПОЛИТИЧНОСТИ

Рецензия на книгу: Политика аполитичных: социальные движения в России 2011-2013 гг. Коллективная монография; Алюков М.Л., Ерпылева С.В., Желнина А.А., Журавлев О.М., Завадская М.А., Клеман К., Магун А.В., Матвеев И.А., Невский А.В., Савельева Н.В., Туровец М.В.; редакторы Ерпылева С.В., Магун А.В. М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 480 с. ISBN 978-5-4448-0218-2

Книга «Политика аполитичных» — результат широкого сотрудничества исследователей из разных городов и исследовательских групп, ядром которого выступил коллектив Лаборатории публичной социологии Центра независимых социологических исследований (Санкт-Петербург). Книга посвящена российскому протестному движению 2011–2012 гг. и его отголоскам и фактически подводит черту под взрывным ростом интереса к этой теме. В тринадцати главах охвачен широкий круг проблем: от участия подростков до эха протеста в Крымске и параллельного кампании «За честные выборы» экологического движения в Воронежской области. Авторский коллектив ставит перед собой довольно амбициозную цель — изучить субъективное измерение движения «За честные выборы» 2011–2012, а именно, «основные мотивы и самоидентификацию участников», «осознаваемые ими политические цели», «внутренние противоречия и перспективы развития движения в будущем» (с. 8), а основным результатом исследования в целом является «понимание парадоксальности политического участия в эпоху деполитизации» (с. 10).

Стержневая тема книги — политическая активность в условиях «деполитизированного» общества — скорее обрамляет, чем направляет коллекцию текстов: тезис о принципиальной деполитизированности российского общества, равно как и базовую дефиницию самого феномена деполитизации, разделяют далеко не все авторы. Так, в главе Олега Журавлева «Инерция постсоветской деполитизации...» деполитизация включает в себя «падение интереса к публичной политике, отказ от участия в ней» (с. 27), «чувство ненависти к политике» во всех ее проявлениях, стигматизацию сферы политического. Последняя понимается в духе традиции Ханны Арендт и Юргена Хабермаса как пространство коллективного публичного действия. В этой же главе осторожно и по касательной проводится сравнение с политическим участием в современных США, где

Семенов Андрей Владимирович — кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, старший научный сотрудник Центра сравнительных исторических и политических исследований, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия (andre.semenoff@gmail.com)

Semenov Andrey — Candidate of Science (Political Science), Senior Researcher, Center for Comparative History and Politics Studies, Perm State National Research University, Russia (andre.semenoff@gmail.com)

также отмечается тенденция к «деполитизации»*, однако иного характера: «избегание политики» служит основанием для автономии гражданского действия. По контрасту с этим российский случай, как утверждает Олег Журавлев, отличается более радикальным отрицанием политического. Движение «За честные выборы» полагается попыткой «нормализовать» политическое действие, однако инерция аполитичного большинства не позволяет отлить эйфорию от успешного коллективного политического действия в устойчивую и «институционализированную» форму.

В других главах под деполитизацией понимается «примат приватной сферы и карьеры над публичной», «фактическое уничтожение последней» (с. 108), «низкий уровень политического участия» (с. 206), «исчезновение из общества “политического содержания”», приводящее к обездвигиванию» (с. 383–384). Политический процесс в России представляется авторам как последовательность переходов между «политизированным» и «деполитизированным» состояниями: от насильственного насаждения политики в СССР к широкому политическому участию в период Перестройки и «аполитичному» постсоветскому состоянию. Движение «За честные выборы» претендовало, но так и не стало очередным поворотом к «нормализации» политического участия в силу тотального характера инерции деполитизации (глава 1), популистского характера движения и невозможности артикулировать классовые и иные коллективные идентичности и требования, помимо «абстрактных» политических/гражданских (главы 2, 8, 9), примата ценностей индивидуализма и самовыражения над солидарностью и коллективным действием (глава 13).

Несмотря на то, что авторский коллектив в целом разделяет центральный тезис книги, на уровне отдельных глав возникают существенные расхождения в трактовке эмпирического материала. Так, Карин Клеман в своей главе (как и в других своих работах) указывает на значительный опыт протестных действий, накопленный на локальном уровне задолго до событий 2011–2012 гг., более того, она считает низовые протесты потенциально более политически заряженными. Анна Желнина в главе 4 прямо обозначает противоречия между политической теорией и эмпирикой (с. 144): анализируя восприятие «личного» и «публичного» в опыте молодых активистов, она приходит к выводу, что «фактическая аполитичность... оказалась довольно большой редкостью» (с. 150). Максим Алюков в главе 5 доказывает, что в сети Интернет социальные сети и другие площадки для общения стали пространством контрпубличных сфер, где началось формирование коллективных идентичностей, необходимых для протестной мобилизации (впрочем, автор утверждает, что эти идентичности были «абстрактными» и «лишенными специфического содержания» (с. 213),

* В скобках надо отметить, что можно было шире развернуть эту дискуссию, поскольку для социальных наук в развитых демократиях вопрос об упадке гражданского/политического участия стоит весьма остро: один лагерь во главе с Робертом Патнемом указывает на исчезновение «социального капитала», тогда как противоположный лагерь в лице, например, Рональда Инглхарта и Рассела Далтона, указывает на новые формы участия и мобилизации.

поскольку являлись продуктом деполитизации). Мария Туровец в своей главе про развитие экологического протеста против медно-никелевых разработок в Воронежской области в принципе отказывается от общей схемы в пользу альтернативных моделей, справедливо замечая, что «трудно заподозрить жителей сел и недавних колхозников в нелиберальном индивидуализме» (с. 421).

В итоге заявленное авторами единство диагноза, концепции и методологии (с. 15, 18) оказывается более чем оптимистичным, а сама концепция функционирует как исследовательская программа в духе Имре Лакатоса с довольно разреженным теоретическим ядром, замешанным на марксизме в различных вариациях, нормативной теории публичной сферы Ханны Арендт, теории политического Карла Шмитта, концепции индивидуализированного общества Ульриха Бека и социологии социальных движений Донателлы делла Порты*. Такой крен в сторону теории и философии политики, безусловно, имеет свои положительные стороны: теоретическая фундированность позволяет избежать грубой описательности позитивизма, равно как и задает общую рамку для дискуссии в самых разных направлениях. Например, неожиданным и интересным является поворот к опыту осмысления политического участия подростками в главе 3 Светланы Ерпылевой. Исследователь не только демонстрирует практики родительского контроля над участием подростков в протестных действиях, которые обнаруживаются даже в среде активистов, но и связывает их с широким контекстом общественных установок на инфантилизацию активизма (автор связывает эту установку с особенностями «либерального субъекта», равнодушного к чужому).

Совершенно с другой стороны к похожим выводам приходит Илья Матвеев в главе 8, анализируя особенности дискурса о «двух Россиях», в рамках которого «просвещенная Россия» воспринимает «лояльное большинство» как пассивное и требующее заботы. Также вопросу самоопределения участников движения «За честные выборы» посвящена глава Артемия Магуна, который на основе социологических опросов и интервью с участниками демонстрирует, что попытки представить протестующих как средний класс не совпадают с доминирующей самономинацией участников. Последние предпочитали (как и некоторые лидеры движения) противостоять правительству в качестве «народа», что позволяет автору главы выдвинуть тезис о «популизме» протестующего вестернизированного среднего класса (с. 343).

Другим ответвлением в рамках стала глава Натальи Савельевой и Маргариты Завадской, отличающаяся активным привлечением аргументов из области

* Из 347 ссылок в библиографии к главам, если исключить ссылки на самих авторов, лидерами по числу цитирований оказываются Д. Делла Порты (8), Х. Арендт, Б. Гладарев, С. Прозоров, Д. Волков, Л. Гудков и Б. Дубин (по 6 ссылок), У. Бек, А. Бикбов, В. Гельман, Э. Лакло, М. Ховард (по 5 ссылок). Работы сотрудников «Левада-Центра» в основном цитируются с полемическими или иллюстративными целями, по Введению ссылки на них отсутствуют. В меньшей степени цитируются работы исследователей социальных движений: Д. Джаспера (4), С. Тарроу (3), Ф. Полетты (2), Ч. Гилли (1), М. Залда и Т. Эш (1), О. Яницкого (1).

политических наук, а также интересным сочетанием качественных и количественных методов. В главе отстаивается два основных тезиса: об определяющем значении события выборов в массовой мобилизации участников движения, а также о том, что благодаря ряду структурных факторов и специфических обстоятельств фальсификации на выборах 2011 г. стали рассматриваться как «личное дело». На основе баз данных GDELT (сообщения о протестах в СМИ) и PEPS (лозунги движения «За честные выборы») и соответствующих техник количественного анализа авторы доказывают, что именно индивидуально пережитое как оскорбление («беда») событие выборов объединило протестующих.

Наконец, еще одним поворотом книги становятся движения, развивавшиеся параллельно либо сформировавшиеся «на волне» движения «За честные выборы»: волонтерская активность в Крымске и антиникелевое движение в Воронежской области. Андрей Невский в главе про Крымск связывает общественный подъем 2011–2012 гг. и организацию волонтеров. Он приходит к выводу, что мобилизационный фрейм «был изначально создан (или вовремя подхвачен) протестным сообществом» (с. 405), в результате, с одной стороны, волонтерское движение приобрело массовый характер, с другой — оказалось критически настроенным по отношению к властям. Тем не менее, как отмечает автор, большинство волонтеров, каких бы противоположных политических взглядов они ни придерживались, стремились не политизировать свое участие и ограничить влияние политических групп на волонтерское движение, в том числе — воздерживаясь от политических заявлений и акций.

На проблему сложной идентичности протестующих обращает внимание и Мария Туровец в главе об антиникелевых протестах. Организационный центр движения — коалиция «Стоп-Никель» — состоит из множества организаций и групп, объединяет которые принадлежность к территории. Территориальная идентичность, по мнению автора, играет важную роль в противостоянии деполитизации и преодолении аполитичности (с. 440). Успешность Воронежского случая автор связывает с плотностью активистских сетей, активным привлечением экспертов, способных противопоставить официальному дискурсу аргументы в пользу протестующих, и укорененность в местном сообществе. В то же время привязка протеста к территории представляется в том числе слабостью движения, в силу того, что требования остаются локальными и не переносятся на политический уровень.

Изложенная выше исследовательская программа со всеми ее ответвлениями и вопреки универсальности притязаний на объяснение предпосылок, динамики и результатов протестного движения 2011–2012 гг. ставит целый ряд интересных и важных вопросов для исследователей социальных движений и протестной активности. Два из них, на наш взгляд, заслуживают особенного внимания: вопрос о центральном аргументе книги и его организации. Проблема центрального аргумента заключается в его универсальной объяснительной силе: деполитизацией объясняется появление, спад и слабое эхо движения 2011–2012 гг. Джеймс Джаспер обозначает эту проблему как «тест на кислород»: общество без кислорода невозможно представить, но обращение к этому

благородному газу не добавляет объяснительной силы нашим моделям (Jasper 2014). Деполитизация в рамках данной исследовательской программы является вездесущей и крайне устойчивой, а сама деполитизация логически является противоположностью активной вовлеченности в политику. Однако предположение о том, что режимы политизации/деполитизации для индивида, социальной группы или общества в целом являются взаимоисключающими, как минимум, нуждается в обосновании. Существующий эмпирический материал свидетельствует о том, что посткоммунистические общества отнюдь не пассивны в политической, тем более — в протестной сфере.

Россия не является исключением: работы Юрия Левады (Левада 2011), Грэма Робертсона (Robertson 2010), коллективов под руководством Сергея Патрушева (Социальные сети доверия... 2006а; 2006б) и Карин Клеман (Клемент, Мирясова, Демидов) показывают, что коллективный и индивидуальный протест не исчез в постперестроечной России, как и в других странах Восточной Европы, а сфера политического только расширилась: появились выборы, свободные медиа, продолжали существовать старые и появлялись новые движения и гражданские инициативы. Безусловно, уровень участия в формальных политических организациях, равно как и интерес к политике у россиян были ниже по сравнению с другими посткоммунистическими странами, но это тем более усложняет задачу обосновать предположение о деполитизации: что должно считаться основными формами политического участия и каково должно быть соотношение активных/апатичных в отношении данных форм, чтобы общество считалось (де)политизированным?

Не получает данное предположение и теоретического обоснования: если «переключение» между режимами подразумевает выбор между приватным и публичным, и деполитизация означает выбор в пользу первого, то сразу встает вопрос об адекватности данного разделения. Теория публичной сферы Арндт и Хабермаса является нормативной: даже в развитых демократиях публичная сфера включает далеко не большинство граждан и определяется скорее функционально — как форум для коммуникативной связи между гражданами и лицами, принимающими политические решения. Попытки разделить «публичный» и «приватный» режимы в литературе есть в немалом количестве, но, так или иначе, остается нерешенным вопрос об эмпирически фиксируемых границах. В результате такой неопределенности (следуя Джованни Сартори, можно назвать это «растяжением концепта») деполитизация служит *deus ex machine*, универсальным и не вполне наблюдаемым объяснением социальных движений, своего рода «темной материей», наличие которой можно зафиксировать лишь косвенно, по гравитационному воздействию на видимые процессы вроде социальных движений и протестов.

Другим вопросом является организация аргумента в книге: несмотря на утверждение авторов о продуктивном диалоге с множеством теорий общественных движений (с. 13), трудно не заметить избирательности в отборе партнеров по диалогу. Приоритеты большинства авторов отданы постмарксистской традиции, нормативной теории публичной сферы и «эмоциональному повороту» в исследованиях социальных движений. Практически полностью игнорируют-

ся альтернативные подходы (например, теория мобилизации ресурсов/ политического процесса), а также большое количество исследований протестов в России: ключевые, с точки зрения основного аргумента книги, работы Сергея Патрушева, Татьяны Павловой и Александра Хлопина, Олега Яницкого, Ивана Климова упоминаются единично, за бортом остается большой пласт литературы, в том числе — посвященной протестам 2011–2013 гг. (Protest in 1990s; Protest in 2000s). Частые отсылки к главам внутри книги, с одной стороны, создают ощущение единой логики, с другой — могут ввести читателя в заблуждение, поскольку изначальные утверждения в дальнейшем полагаются неоспоримыми.

Тем не менее, книга является весьма своевременной, она фиксирует очень важный момент перехода российского общества от посткризисного состояния и оппозиционной активности 2008–2012 гг. к реакции государства, проправительственной мобилизации и «крымскому консенсусу» 2012–2014 гг. Богатый эмпирический материал, интересные повороты и дискуссионные пункты делают «Политику аполитичных» фокальной точкой исследований протестов 2011–2013 гг., к ней надо будет обращаться и вступать в диалог любым последующим исследователям в данной области, в том числе — чтобы избежать ошибок, поправить и/ или усилить аргументы самой книги.

Литература

Клемент К.М., Мирясова О.А., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010.

Левада Ю.А. Сочинения: социологические очерки 1993–2000. 2-е изд., перераб. М.: Издатель Карпов Е.В., 2011.

Социальные сети доверия, массовые движения и институты политического представительства в современной России: опыт «старых» и «новых» демократий в условиях глобализации. Научный доклад (I). 2006а. [http://www.isras.ru/files/File/Doclad/Networks_2006.pdf]. Дата доступа 12.07.2015.

Социальные сети доверия, массовые движения и институты политического представительства в современной России: опыт «старых» и «новых» демократий в условиях глобализации. Научный доклад (II). 2006б. [http://www.isras.ru/files/File/Doclad/Networks_2007.pdf]. Дата доступа 12.07.2015.

Jasper J. *Protest: A Cultural Introduction to Social Movements*. Polity Press, 2014.

Protest in 1990s, Russian Protest Research: Resources for Social Scientists. [<http://protestrussia.net/1990s/>].

Protest in 2000s // Russian Protest Research: Resources for Social Scientists. [<http://protestrussia.net/2000s/>].

Robertson G. *The Politics of Protest in Hybrid Regimes: Managing Dissent in Post-Communist Russia*. Cambridge University Press, 2010.